

Цигвинцева Галина Леонтьевна

РЕЛИГИОЗНОЕ СЕКТАНТСТВО КАК ПРЕТЕЧА РЕВОЛЮЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы внутреннего мировоззренческого сродства религиозного сектантства с крайними формами революционного мировоззрения. Обосновывается мысль о том, что религиозное диссидентство, бросившее вызов ортодоксальному православию, взрастило семена нигилизма и критицизма, воплотившиеся в леворадикальный политический спектр, предложивший народу взыскать "нездешнее царство правды".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 199-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать, 2009. 352 с.
7. Решение № 2 от 29 мая 2014 года «О состоянии и мерах по профилактике и противодействию религиозному экстремизму в Республике Башкортостан и выработке эффективной межведомственной стратегии совместной деятельности» [Электронный ресурс] / Управление Минюста России по Республике Башкортостан. URL: <http://to03.minjust.ru/ru/reshenie-no2-ot-29-maya-2014-goda-o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-i-protivodeystviyu> (дата обращения: 18.03.2015).
8. Рустэм Хамитов подписал Указ о мерах по реализации в Башкортостане государственной национальной политики [Электронный ресурс]. URL: http://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/60779.html (дата обращения: 27.03.2015).
9. Типы регионального политического лидерства и трансформация механизмов элитарного рекрутинга [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5797:2014-03-17-06-33-01&catid=148:2010-08-12-05-13-05 (дата обращения: 27.05.2015).

ETHNIC POLICY IN BASHKORTOSTAN: PECULIARITIES AND PROBLEMS OF ETHNO-POLITICAL AND ETHNO-SOCIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC

Khismatullin Il'giz Rafitovich

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
hismatullin87@mail.ru*

In the article the peculiarities of ethno-political processes in the Republic of Bashkortostan, one of the multinational and poly-confessional subjects of the Russian Federation, are analyzed. The basic tendencies of the ethnic policy are considered and the key problems of the ethno-political and ethno-social development of the Republic are identified. The ways of their resolution with a view of the harmonization of interethnic relations are suggested.

Key words and phrases: The Republic of Bashkortostan; ethnic policy; harmonization of interethnic relations; peculiarities of ethno-political processes; national cultures; ethno-political problems.

УДК 140.8

Философские науки

В статье рассматриваются вопросы внутреннего мировоззренческого сродства религиозного сектантства с крайними формами революционного мировоззрения. Обосновывается мысль о том, что религиозное диссидентство, бросившее вызов ортодоксальному православию, взрастило семена нигилизма и критицизма, воплотившиеся в леворадикальный политический спектр, предложивший народу взыскать «нездешнее царство правды».

Ключевые слова и фразы: христианство; сектантство; мировоззрение; нигилизм; государство; церковь; справедливость; правдоискательство; радикалы.

Цигвинцева Галина Леонтьевна, к. филос. н., доцент

*Чайковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета
cigvinceva@yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНОЕ СЕКТАНТСТВО КАК ПРЕДТЕЧА РЕВОЛЮЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ[©]

До принятия христианства мировоззренческой основой жизни наших предков было язычество, пантеистический характер которого предполагал множественный пантеон божеств, олицетворяющих разнохарактерные природные стихии. Анимизм и фетишизм, основываясь на мистическом страхе людей перед матерью природой, вместе с тем нивелировали дистанцию между человеком и предметом поклонения и давали надежду на реализацию замыслов по корректировке субъектно-объектных отношений в пользу субъекта. Принятие христианства привело к «стиранию» палитры языческих стереотипов и моделей мышления. Христианство рационализировало внутреннее пространство человека, перечеркнув многоликий спектр религиозных обязательств и условностей, освободив место для унифицированных христианских ценностей, обусловленных единобожием. Однако отказ от религиозного плюрализма в рамках теоцентристской модели существования исподволь, на подсознательном уровне, формировал у людей желание подвергнуть ревизии христианскую догматику и предложить новые модели вероисповедания и самого существования. В свою очередь, религиозное сектантство, зародившееся в России в XVI-XVII вв., спровоцировало секуляризацию массового сознания, приемлющего идеологический и политический радикализм, который не брезгует крайними формами самоутверждения.

[©] Цигвинцева Г. Л., 2015

Отступление от традиционных моделей мышления и поведения в рамках христианской картины мира явили уже «нестяжатели». Вместо уставной молитвы и обрядового благочестия они склонялись к отрешенному созерцанию и давали приют религиозным диссидентам – еретикам.

Безусловно, большинство русских людей не помышляли свою жизнь вне рамок традиционного христианского ритуализма и обрядовости. Однако наиболее пытливые и любознательные натуры стремились дойти «до самой сути», вооружившись собственным скептицизмом. «...У нас в России культурный разрыв между передовым отрядом интеллигенции и народной массой произошёл не в области внешних форм жизни... а ранее всего в области веры...» [6, с. 475].

В фокусе внимания религиозных диссидентов оказалась не только христианская догматика, но и церковная атрибутика, которая, с их точки зрения, препятствовала подлинному «общению» человека с Богом. Еретики утверждали, что икона является делом рук человека и обителью живого Бога быть не может. Они не были солидарны в способах постижения Творца. Избравшие эмоциональный путь постижения Бога склонялись к мистическим упражнениям, а интеллектуалы применяли изощренный инструментарий схоластических умопостроений, но выхолащивали саму суть христианства.

Евангелическое и духовное христианство стали новыми формами постижения Бога. Евангелисты, отрицая церковное предание, признавали только первоисточник – Евангелие. Феодосий Косой, один из наиболее радикальных религиозных реформаторов середины XVI века, склонялся к отрицанию божественной природы Христа, провозглашая, что отступление от неправды и есть молитва. В душах русских радикальных интеллигентов впоследствии подобного рода установки повсеместно находили понимание. Анализом изречений из Библии занимались в кружке Дмитрия Тверитинова. Тверитинов провоцировал православных слушателей, прибегая к сопоставлению противоречивых цитат Священного писания и, используя приемы майевтики, стремился донести до их сознания новые взгляды на интерпретацию религиозного первоисточника. Так в религиозных отвлеченных диспутах зарождающаяся русская интеллигенция, занимаясь осмыслением религиозных основ мироустройства, отработывала навыки критического свободомыслия, оценки и последствия которого по сей день являются предметом острых научных дискуссий.

Мистико-дуалистическое учение хлыстов бросило вызов официальной православной доктрине о повреждении человеческой природы. Человек, с их точки зрения, способен стать идеальным – «живым богом». Построение «Царства божия» в скором времени здесь, на Земле, не вызывало у хлыстов сомнений. «Только тот может стать вместилищем “духа святого” и получить пророческий дар, кто добьётся умерщвления плоти, умерщвления воли, себялюбия, гордости» [8, с. 299].

Идея справедливости и правдоискательства с особой силой проявилась в духоборчестве, отличавшемся жесткой антицерковной направленностью и выступавшем против строительства церквей.

При Николае I появилась триада «Православие, самодержавие, народность», которая обрела впоследствии статус государственной идеологии. Её направленность против сектантских толкований христианской веры и революционно-демократического крыла русской интеллигенции очевидна. Позднее Пётр Струве в работе «Интеллигенция и революция» писал: «Идейной формой русской интеллигенции является её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность к нему...» [9, с. 153-154]. История свидетельствует, что первое русское издание Библии вышло в самой России лишь в 1875 году! Стоит ли удивляться, что в условиях длительного отсутствия Библии на русском языке для широких масс множественная интерпретация христианского вероучения (несмотря на реформу Никона) дала всходы в виде религиозных популистских учений, носящих, как правило, антицерковный и антигосударственный характер. Антирелигиозные эгалитаристские учения в России во второй половине XIX века также завладели умами части дворянской, мещанской и крестьянской молодёжи, которая, неся в народ семена вольнодумия, в отличие от представителей официальной православной церкви используя понятный народу язык, доносила до него суть своих революционных проектов.

Отчужденное отношение сектантов к государственным институтам, неприятие ими законов, утопические проекты делали их потенциальными союзниками радикально настроенной части общества. «...народники... рассматривали русские народные секты... как потенциальных союзников» [10, с. 156]. Религиозная подоплёка сектантских проектов по переустройству общества не смущала атеистически настроенных реформаторов. Пантеистическая идея человекобога, исповедуемая еретиками, готовила почву для отрицания идеи существования Творца, а антигосударственный и антицерковный настрой революционных проповедников, взывание ими «нездешнего царства правды» [2, с. 15] превращали их в апостолов новой квазирелигиозной веры. Отказавшись от сектантской религиозной риторики и их трудового подвижничества, леворадикальная интеллигенция подменила идею религиозного спасения проектом построения идеальных общественных форм, способных якобы дать народу справедливую и сытую жизнь «здесь и сейчас». Последствия этой деморализации ощущаются и сегодня в виде стремления части наших граждан «иметь всё и сразу»...

Нивелировка традиционных ценностей опасна тем, что «...в исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преподобного Сергия и Запорожской сечи...» [4, с. 68]. Особо показательно в этом случае убийство царя-реформатора Александра II, попытавшегося принять превентивные меры против идеологических установок и провокационных планов русских радикалов. Отношения «самодержец – народ» стали обретать новое качество: для одних престолоудинцов смерть государя стала личной трагедией, для других – началом циничной веры в торжество насильственных методов борьбы. К сожалению, и сегодня нигилистическое

восприятие государственных инициатив, стремление «раскачивать лодку» свойственны несистемной политической оппозиции, эксплуатирующей противоречивый характер русского духовного строя.

Западная Европа второй половины XIX века, в отличие от России, могла уже позволить решать социально-политические проблемы в консервативном ключе. Экономическая стабильность сделала недееспособными идеи Фурье, Прудона, Оуэна и других утопистов по переделке мира. А протестантские (в прошлом – еретические) учения к этому времени отвоевали место под солнцем, обретя в ряде стран негласный статус государственной идеологии. Д. С. Мережковский писал: «Мы ещё верим <...> в тот внезапный переворот, апокалипсис “нового неба и новой земли”, который некогда и европейской общественности грезился; но там давно уже перестали верить в него и теперь постепенность <...> непрерывного развития для них не только внешний закон бытия, но и внутренний закон духа, они в эволюции, мы – в революции» [5, с. 442]. Революционные перемены 1917-1918 гг. были встречены многими сектантами с пониманием. Квазирелигиозная форма коммунистической идеологии «...со всеми внешними признаками религии, кроме веры в Бога, как в сверхъестественную силу и сущность» [1, с. 98] импонировала их религиозному миропониманию. Н. А. Бердяев писал: «Пантеизм окончательно упраздняет и личность, и свободу, и человечество, растворяя всё окончательно в мировой жизни, и незаметно переходит в натурализм и материализм» [3, с. 327]. В 1919 году появляется большевистский декрет, освобождающий некоторые категории сектантов от военной службы. Дело социалистического строительства воспринималось ими как миссионерский подвиг по воплощению в жизнь «Царства божия». В Постановлении Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР, Наркомзема РСФСР от 15 августа 1921 года говорилось: «...крестьянские коммунистические образования, создавшиеся и гонимые при царизме... совершенно безболезненно усваивают общегражданские советские законы и уставы... несмотря на то, что их коммунистические стремления и облеклись в силу исторических условий в религиозную форму» [7].

Таким образом, религиозное диссидентство, произросшее из почвы как бессознательных пантеистических установок (идея «живого бога», идея построения «Царства божия» и т.п.), так и в связи с наличием объективных причин, отринувшее унифицированные ценности официального православия, явилось предтечей крайних форм революционного мировоззрения: от революционных демократов до большевиков.

Список литературы

1. Андреев Л. А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 90-100.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, Париж, 1955 г. М.: Наука, 1990. 244 с.
3. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (О книге Несмелова «Наука человека») // Бердяев Н. А. Собрание сочинений: в IV т. / общ. ред. Н. А. Струве. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. III. С. 302-328.
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // *Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А. А. Яковлева*. М.: Правда, 1991. С. 31-72.
5. Мережковский Д. С. Избранное: роман, стихотворения, эссе, исследования. Кишинев: Литература артистикэ, 1989. 543 с.
6. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х т. М.: Прогресс, 1994. Т. 2. Вера. Творчество. Образование. Ч. 2. 496 с.
7. Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служителей культа. Об издании религиозной литературы и о религиозных группах, объединениях и съездах [Электронный ресурс]: Постановление от 15 августа 1921 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1053.htm (дата обращения: 16.05.2015).
8. Очерки русской культуры XVII века / под ред. А. В. Арциковского. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 2. Духовная культура. 344 с.
9. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // *Вехи. Из глубины: сб. ст. / сост. А. А. Яковлева*. М.: Правда, 1991. С. 150-166.
10. Фаликов Б. Неоязычество // *Новый мир*. 1999. № 8. С. 148-168.

RELIGIOUS SECTARIANISM AS MESSENGER OF REVOLUTIONARY WORLD OUTLOOK

Tsigvintseva Galina Leont'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaykovsky
cigvinceva@yandex.ru

The article examines the issues of the internal ideological affinity of religious sectarianism with the extreme forms of revolutionary world outlook. The author justifies an idea that religious dissidence challenging Orthodoxy cultivated the seeds of nihilism and criticism, which implemented in left-wing radical political spectrum inviting people to seek the “heavenly realm of truth”.

Key words and phrases: Christianity; sectarianism; world outlook; nihilism; state; church; justice; truth-seeking; radicals.